

Эту горькую пьесу о жизни американцев написал американец.

Не ищите в ней нарядную Америку иллюстрированных журналов. У героев пьесы А. Миллера «Воспоминание о двух понедельниках», поставленной Г. Товстоноговым в Ленинградском Большом драматическом театре, усталые глаза, бледные губы и лица мертвенно-зеленоватого цвета. Тем же странным зеленоватым цветом, будто просочившимся из небытия, облиты помещение большой упаковочной секции склада автомобильных деталей, где сосредоточено действие пьесы.

В этом угрюмом, черно-сером помещении, которое выстроил в соответствии с режиссерским замыслом художник В. Степанов, сконцентрирована вся жизнь миллеровских героев: их привязанности, мечты, переплетения чувств, надежды и разочарования.

Они приходят сюда во все дни недели. Но именно в понедельник, после одного дня перерыва, они с особенной силой ощущают беспощадную власть автоматизма, бесперспективность механической угнетающей человека работы. Снимая обычный костюм и надевая вместо него рабочие куртки с вышитой на спине эмблемой фирмы «Игл и компани», они сами как бы становятся принадлежностью фирмы.

Все в спектакле пронизано трагическим ощущением людей, у которых отнято будущее. И все свидетель-

ЛЮДИ БЕЗ БУДУЩЕГО

ствует о непрерывной судорожной борьбе за сохранение человеческого в человеке. Поэтому так сгущены всеми театральными средствами драматический фон спектакля.

«Заживо погребенными» называют действующих лиц пьесы один из ее героев — ирландец Кеннет. От его имени и идет рассказ о событиях, происходивших в одной секции торгового склада. Продушенные сквозь его воспоминания воскресают перед нами картины двух понедельников.

Невидимый источник света, следуя за глуховатым волнующим голосом, вырывает из темноты крутую лестницу, нависшую над головой, узкую, тоже нависшую, как угроза, галерею, длинный, то скливо голый стол, голые, безнадежно унылые стены.

— Сегодня один из понедельников, — говорит голос Кеннета. И как бы переступая преграду времени, живой Кеннет на наших глазах входит в тот понедельник, о котором только что вспоминал.

Всего восемь месяцев отделяют нас от второго понедельника, который с мучительным трудом возрождается в памяти Кеннета. Восемь месяцев бесплодной и однообразной работы! Тридцать два похожих один на другой понедельника понадобились для того, чтобы лишить Кеннета надежды и силы сопротивления. Жизнелюбивый юноша, звонкий лирик и поэт, неутомимый мечтатель и весельчак, он превратился в потухшего, доведенного до отчаяния человека.

— Где мне спать сегодня и что мне есть завтра, — вот о чем мне приходилось думать всю жизнь, — говорит Кеннет. Память его хранит тысячу строк стихов. «Утренние часы принадлежат поэзии», — любил говорить Кеннет. И вот даже стихи, по собственному призна-

нию, от него ушли. Замечательно сыграна эта сцена актером В. Стрельчиком. С горящими глазами, легко, как будто между прочим, начинает Кеннет читать своего любимого Уитмена:

О, капитан! Мой капитан!
Закончен рейс опасный.

Пробились мы сквозь ураган,
и небо снова ясно!

Что-то помешало, забыто слово. Кеннет относится к этому спокойно. Забытое слово вернется. С улыбкой, не то смущенной, не то задорной, он начинает строфу сначала. Быстро произносит первые фразы, все набирая темп, подходит к тому же месту, и... снова пауза. Снова забыл. Уже пугаясь, лихорадочно торопясь, он вновь повторяет строфу и вновь спотыкается на прежнем месте. Еще, еще, еще. Но слово исчезло. Внезапно осунувшийся, смятый, с гаснущей на губах виноватой улыбкой, Кеннет Стрельчика тяжело поднялся с колен, придавленный грузом своей беспомощности, словно сразу сдался перед жизнью.

После этого уже не кажется невероятным, что он, улыбочный менестрель, пойдет служить сторожем в психиатрическую лечебницу, где хорошо платят, но где, задержавшись, неминуемо окажешься по ту сторону решетки.

Впрочем, может быть еще один выход. Его находит Гус. Он ходил в этот склад еще при Игле-старшем. Теперь ходит при его наследнике. Из всех людей на земле он любил только свою жену Лили. Она умерла, так и не сняв платья, о котором мечтала всю жизнь.

С самого мгновения смерти жены в Гусе нарастает протест. Тончайше разработана эта сцена режиссером. Гуса, вернувшегося после воскресного кутежа в Атлантик-сити, зовут к телефону. Выслушав краткое сообщение о смерти Лили,

он пытается переспросить, проверить, вслушаться. Но на том конце провода уже повесили трубку. Короткие гудки занятого номера нарушают внезапную тишину. Спокойно, с каким-то наивным удивлением Гус (В. Полидеймако) обходит сослуживцев, каждому повторяя:

— Лили умерла. Лили умерла...

Жизнь Гуса, бессмысленная, как этот гудок, должна оборваться: за несколько минут до того, как его должны выгнать, он кидается в пролет лестницы.

Другие еще живут. Но что ждет их в будущем? Что будет с Ларри, сильным и цельным человеком, каким его удивительно строго и глубоко играет К. Лавров.

Из этой добровольной тюрьмы некуда уйти. Стоило Раймонду (актер С. Рябинкин) выбиться в небольшое начальство, как он утратил всякую тень индивидуальности. Ничего, кроме гнетущего одиночества, не осталось у телефонистки Агнес, в остром рисунке исполненной В. Осокиной. Ранняя испорченность, которой решительно нечего противопоставить, подкарауливает смыленного и смешливого парнишку Джерри, роль которого талантливо исполняет С. Юрский. Обречена любовью юной Пат, ненадолго осветившая ее безнадежно пустую жизнь, разменянную на случайные танцующие со случайными спутниками. Этот контраст видимого и сущного, желаемого и существующего отчетливо прочерчен в характере Пат, созданном молодой актрисой А. Федереевой.

Нечего ждать в этой жизни, если даже за окном, отмытым с таким трудом, открывается не «высокое небо», о котором мечтал Кеннет, не облака, которые, «перегоняя друг друга, неслись бы над нашими головами», а обыкновенный притон.

Чем больше проникают авторы спектакля в символическое значение этого публичного дома, так безжалостно выдвигаемого драматургом в качестве неизбежного опознавательного знака действительности, тем интенсивнее занимают они поисками того, что составляет поэзию трудной и тягостной жизни. И они находят ее. Это суровая и вечная поэзия человеческой солидарности.

Да, герои этих воспоминаний — люди без будущего. Но они люди. И пока живет в них человеческое, мы не будем выносить им свой приговор. Из всех действующих лиц драматического этюда, как называл свою пьесу автор, театр безжалостен только к мистеру Иглу — бездушной кукле, механическому существу.

Едно развенчивая мистера Игла, театр направляет свой луч надежды на юного Берта. С скромным, ничем не примечательный, но удивительно чистый юноша в исполнении И. Озерова не отличается от остальных. Но есть в нем внутренний свет, который защищает его от безверия и цинизма. Этот свет помогает ему вырваться из мира «заживо погребенных». Мы не знаем, как далеко он уйдет. И все-таки у него хватает сил уйти.

В финале спектакля, когда заканчиваются воспоминания о двух понедельниках, Кеннет судорожно спрашивает «как жить?». Артур Миллер не отвечает на этот вопрос. Но спектакль подсказывает своим героям: так жить нельзя. Оглянитесь на Берта. Он ушел.

Он ушел искать будущее.

Р. БЕНЬЯШ.

Сцена из спектакля «Воспоминание о двух понедельниках». Агнес — арт. В. А. Осокина, Гус — народный артист СССР В. П. Полидеймако.

Известия
2 сент. 1960
№ 210 (13446)